

УДК 82.0:821.161.1:39-027.542
ББК Ш5(2=Р)7-4СерафимовичА+Ш5(2=Калм)-34

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СВОЙ» — «ЧУЖОЙ»
В РАССКАЗЕ А. СЕРАФИМОВИЧА «СТЕПНЫЕ ЛЮДИ»**

Р. М. Ханинова

Рецепция и репрезентация другого языка, культуры, вероисповедания, быта и обычаев отражает национальную идентичность «свой» — «чужой». Отличительную особенность русской литературы С. И. Кормилов видел в том, что она «чрезвычайно гуманна, исполнена сочувствия к страдающему человеку, никогда не поэтизирует насилие (“гений и злодейство” для нее — “две вещи несовместные”), в том числе на войне» [Кормилов 2007: 14]. Л. П. Егорова, выделяя традицию и инновации имагологии, подчеркивает: «В XX веке изменились сами пути приобщения художника к инациональному миру, что не могло не сказаться на его художественной репрезентации, к нему теперь вели не только участь ссыльных “государственных преступников” (хотя и в первой половине XIX в. бывали исключения — путешествия Пушкина в Арзрум и на Урал), но и свободно выбранная дорога путешественника, исследователя. И это относилось не только к кавказским маршрутам, но и к художественному открытию других национальных регионов. Возросла и познавательная ценность художественных произведений в плане описания быта, нравов, поэтического творчества инородцев» [Егорова 2007: 33].

В этом аспекте примечателен рассказ А. С. Серафимовича «Степные люди» (1902). Поводом к его созданию послужили воспоминания матери писателя. «Она еще молодой жила в степи, ей там и рассказывали про этот случай. Она так ярко его передала, что я тут же сел и стал писать», — вспоминал автор [Акимов 2005: 621].

Рассказ состоит из четырех частей. Экспозицией к главному событию стала первая часть — с описанием эпизоотии в Предкавказье, когда были выставлены ветеринарные кордоны. На посту у Соленого Колодца нес службу казак Иван Чижиков с двумя това-

рищами. *«Изредка вдали зачернеет кибитка, с калмыками-табунщиками, да пройдет косяк степных лошадей»* (курсив всюду наш. — Р. Х.) [Серафимович 1985: 110]. В центральной, третьей части Иван Чижиков встречает в степи старуху-калмычку, далее описана его борьба за жизнь после ее нападения.

В экспозиции заявлены ключевые образы: пост Соленый Колодец, кибитка, калмыки-табунщики, лошади. Поэтика заглавия включает в понятие «степные люди» жителей края — независимо от их национальной принадлежности. В контексте определения «степные» изначально семантика не только географического, природного, нецивилизованного, но и дикости, воинственности, учитывая хронотоп повествования — начало XX века, насильственное приобщение кочевых народов к оседлой жизни. Множественное число «люди» обусловило типизацию происходящего и выражение авторского сочувствия Ивану Чижикову и безымянной калмычке, за которыми стоят их семьи.

Чижиков молится перед дальней дорогой, прося благополучного возвращения после службы в родную станицу. Третья часть рассказа открывается масштабной панорамой степи, враждебной одинокому путнику. Пейзажные детали (пространство, небо, земля, трава, ветер, смерчи), эпитеты (бесплодное, солонцеватое, огромное, горячее, мутное, истрескавшаяся, сухая, горький, жесткий, сухой, знойный, черные), сравнение (пыль, как пожарище) подготавливают эпизод борьбы человека за жизнь при неожиданном для него покушении.

От немилосердия природы казак спасается воспоминаниями о семье, предвкусывая долгожданную встречу. Появление калмычки в степи показано автором через градацию: черная точка на горизонте, нель-

зя разобрать — человек, лошадь или бугор; приближающееся темное пятнышко; всадник, мчащийся прямо на Ивана. «Старая, в морщинах калмычка в синих штанах, с выбившимися из-под шапки жидкими седыми косичками...» [Серафимович 1985: 119]. Портрет калмычки передает ее пожилой возраст, который контрастирует с ее будущими действиями, несоразмерными, казалось бы, с ее физическими возможностями. В описании прически отсутствуют шиверлыки — матерчатые чехлы для двух кос замужней женщины; вид шапки не указан; верхняя часть одежды не упомянута. Для калмыцкой женщины верхняя одежда всегда имеет закрытый вид (нижняя нераспашная рубашка с крупным воротником и острыми концами, платье). Как поясняет Э. П. Бакаева, «штаны в качестве нижнего слоя одежды были обязательным элементом традиционного костюма как калмычек, так и ряда других тюрко-монгольских народов» [Бакаева 2008: 166]. Женские штаны *шалвр* имели сходство с мужскими, которые калмычки шили из нанки синего цвета или холста [Бакаева 2008: 83, 75].

В восприятии Чижикова неизменными остаются главные женские маркеры: морщинистое лицо, синие штаны, седые косички, босые ноги. Из всего этноописания старой калмычки особое внимание привлекают ее босые ноги с заскорузлыми подошвами. Но эта подробность противоречит национальным обычаям: взрослые калмычки не имели права обнажать ноги перед кем бы то ни было посторонним [Душан 1976: 16–17], «женщинам обычаи предписывали постоянное ношение обуви (босые ноги — верх неприличия), поэтому и летней формой обуви у женской половины общества являлись сапоги» [Бакаева 2008: 117].

Вначале встреча Ивана с калмычкой не предвещала недоброго. Когда, проскакивая мимо, она слегка задержала лошадь, ничего не подозревающий казак крикнул ей: «Эй, бачка, стой! Нет ли баклажки с водой? Смерть пить хочется!» [Серафимович 1985: 119]. Просьба подкрепляется экспрессивным выражением, на деле же оборачивается призыванием смерти: женщина хотела утопить его в степном колодце. Понятие воды здесь приобретает амбивалентный смысл мертвой воды, воды для неживых.

Все последующее развитие действия показано с точки зрения жертвы. «Калмычка на скаку перегнулась к нему, *странно*

взмахнула рукой; в ту же секунду в воздухе со свистом развернулся аркан, и, прежде чем успел опомниться казак, волосаяная петля мгновенно стянула его поперек, туго притянув к туловищу руки. Калмычка перекинула ногу через натянувшийся от подпрыжки аркан, *дика* гикнула, и лошадь понеслась карьером. Натянувшийся, как струна, аркан с размаху кинул казака о землю и поволок за бешено мчащейся по степи лошадей» [Серафимович 1985: 119–120].

Показавшаяся впереди котловина заставила наездницу остановить бег скакуна. Автор показывает восприятие происходящего его героем с позиции «свое» — «чужое». Иван не понимает незнакомый ему язык, он слышит чужую речь как «дикие слова» — эмоционально страшные, учитывая ситуацию. «Калмычка спрыгнула на землю, привязала конец повода к передней ноге лошади и, *бормоча и выкрикивая что-то*, подошла к неподвижно лежавшему казаку» [Серафимович 1985: 120]. Наконец, пленник слышит обращенную к нему по-русски угрозу: «— Будь ты проклят, волк лютей... издыхай, как собака, и пусть черви сожрут тебе все нутро» [Серафимович 1985: 120]. В калмыцком фольклоре существует жанр харала — проклятия. В словах старухи прозвучали проклятия общего характера, усугубленные пожеланием смерти. Чем же вызвано это призывание бедствий на голову незнакомца человека?

При этом калмычка поминала своих детей, свою кибитку, скотину, лошадей... Упоминала она и про железную дорогу, про больших начальников и лютых волков. В авторской речи дается пояснение тому, что происходит. «Ей было пятьдесят восемь лет, и она помнила те времена, когда калмыки *вольно кочевали* со своими кибитками по степям; а теперь их согнали в станицы, предлагают заниматься земледелием и забирают сыновей на службу» [Серафимович 1985: 121]. Помимо свободного образа жизни, с кочевкой было связано много обычаев и суеверий, среди которых существенным оказывается представление о том, что оставаться долго на одном месте нельзя, к людям привыкает местная нечистая сила и может причинить неисчислимые бедствия [Душан 1976: 13]. Грехом считалось у кочевников тревожить землю, распахивая ее. «Нужно строить избы, справлять сыновей в полк, покупать шинели, мундиры, седла, пики, шашки, белье. Нужно было много

продавать, чтобы иметь на все деньги» [Серафимович 1985: 121].

Калмыки и продали лишний скот заезжему купцу, который вручил им шестьсот сорок девять рублей тридцать копеек новыми кредитками. Часть денег старуха спрятала в седельную подушку, а остальные раздала членам семьи для покупки необходимого. При первой же покупке выяснилось, что деньги фальшивые; когда мать наотрез отказалась возратить оставшуюся часть кредиток по требованию властей, арестовали всю семью. И только в тюрьме калмыки поняли, в каком скверном деле их обвиняют, какую скверную шутку сыграл с ними купец, которого они не знали и не могли указать. Старший сын старухи взял всю вину на себя, его сослали в Сибирь, двух братьев взяли в полк, младший спился и умер от чахотки. «И вот теперь старая калмычка припомнила все это, волоча за ноги одного из тех, которые пришли и забрали их землю, лишили вольной жизни, разорили, обманули, посадили в тюрьму, забрали детей куда-то далеко, а степь перерезали длинной насыпью, положили сверху железо, поставили столбики и пустили по ней телегу с дымом и огнем» [Серафимович 1985: 121].

Она потащила казака к краю узкой круглой дыры. Это был глубокий полуобвалившийся степной колодец. Подробное описание напряженного поединка дополняется криками и несобственно-прямой речью женщины. «Старуха, чувствуя, что вот-вот полетит туда, где гниют сброшенные ею раньше люди, закричала, и крик ее разнесся по всей степи. Она кричала и звала своих детей, звала старшего сына, которого угнали в Сибирь, звала двух других, которые далеко служили в полку, звала самого младшего, которого берегла как свой глаз и от которого остались одни мослы; она звала их и кричала им, как их родила, выкормила, воспитала. Но дети не слышали» [Серафимович 1985: 122]. В этом перечне важно отметить младшего сына: у монгольских народов именно он считался хранителем очага, и, следовательно, власть и новое время (в лице нечестного купца) лишили старуху самого сокровенного.

Когда калмычка последним усилием впилась в руку казака, ему с большим трудом удалось отодрать от груди вторую старухину руку: « — Ты будешь девятая, будь ты проклята!..» [Серафимович 1985: 122]. В

народных представлениях проклятие может настичь проклипающего человека. Так и не опомнившись после случившегося, казак, тем не менее, сознает, что нельзя забирать чужую лошадь. Роковым же для Ивана становится решение забрать себе седельную подушку и подпругу.

Лишь после этого Чижиков «подошел к колодцу, послушал, поглядел в черную пустоту — у него *шевельнулось тайное желание*, чтобы старуха подала голос и ее можно бы было вытащить; но там было все неподвижно и тихо» [Серафимович 1985: 123]. Несмотря на то, что казак, пройдя несколько верст, нашел свои вещи, он все же запихал в сумку подпругу и подушку старой калмычки. Но мысль о погибшей женщине не покидала его. Много он прошел, хотелось подалее уйти от «рокового места», потому и свернул от железной дороги: «Казалось ему, что первый, с кем он встретится, сейчас же скажет: „А зачем калмычку убил?“» [Серафимович 1985: 123]. Обратим внимание: уточнена национальность жертвы. По Серафимовичу, это и борьба между предубеждением в отношениях «свой»/«чужой». Муки совести обостряли страх Чижикова: «Боялся он — и кровь стыла у него при одной мысли об этом, — что сначала он услышит конский топот, подскочит к нему всадник, сдержит лошадь, станет он всматриваться, а это — старуха на лошади с выпятившимися глазами, с морщинистым лицом, в синих штанах» [Серафимович 1985: 124].

В рассказе А. Серафимовича число два играет значимую роль. На второй день встречается Чижикову калмычка, названы два колодца — на посту и в котловине, дважды видится казаку мертвая старуха, дважды произнесенные проклятия возвращаются к проклипающим (брат Блинова умер, Чижиков получил каторгу), через два года обнаружены фальшивые деньги в седельной подушке. Дважды встречаются Ивану два калмыка в форменных казачьих фуражках, разыскивавшие ушедшую, по их словам, в хурул старуху. Вначале они мирно приветствуют его. В их удивлении («Вот чудно!.. Нет старухи. Всю степь изъездили, как сквозь землю провалилась...»), о чем они сами не подозревают, содержится указание на форму преступления. Поэтому Чижиков повторял, что ничего не знает. Вначале калмыки постояли еще немного, «похурукали» между собой [Серафимович 1985: 124], поскакали назад, позже они отъехали, оста-

новились шагах в десяти и стали о чем-то жарко говорить между собою, показывая плетями на Ивана. Вновь автором показана реакция Чижикова на угрозу со стороны: ему невнятна чужая речь, он воспринимает ее звуки на слух (похурукали, стали о чем-то *жарко* говорить), следит за жестами всадников (показывали плетями). Им же непонятна агрессия путника. «Не лезьте ко мне, а то перепорю обоих ... и лошадей! — И Иван с побледневшим и искажившимся от злобы лицом замахнулся пикой» [Серафимович 1985: 125]. Чижиковская угроза «перепороть лошадей» объясняется тем, что под одним из калмыков была старухина лошадь, которую узнал путник. При первой встрече Иван боялся, что те залезут к нему в сумку и найдут подпругу с подушкой, при второй — он сразу занял оборонительную позицию.

Хронотоп четвертой части стягивает в один смысловой узел предыдущее повествование. Иван согрешил, нарушив библейские заповеди «не убий» и «не укради». Он случайно нашел в седельной подушке калмычки клад. Вскрывшийся при покупке товаров на окружной ярмарке обман привел Чижикова, не признавшегося, откуда у него фальшивые деньги, на судебную скамью. И лишь когда старшина присяжных после совещания стал читать приговор Ивану Михайлову Чижикову, «Ивану с изумительной ясностью представилось, как калмычка кричала и звала своих сыновей, как мелькнули и скрылись в темной дыре ее босые ноги» [Серафимович 1985: 127].

Неожиданное признание подсудимого — кульминация рассказа: обернувшись к председателю, с искривленным бледным лицом, по которому текли слезы, он проговорил вздрагивающим, прерывающимся голосом: «Мне бы ее, вашскблагородие, старуху-то, мне бы ее выдернуть оттеда, выдернуть бы оттеда... а я ее... а я ее стихнул... Покорно благодарю... правильно!..» [Серафимович 1985: 127]. Христианское покаяние героя (осенение крестом, поклон, признание) вызвано осознанием своей

вины. Тогда как ранее нежелание задержанного казака указать источник фальшивых денег опиралось на сокрытие им содеянного преступления.

Не возвратив властям фальшивые деньги, старуха оставила их себе. По верованиям калмыков, ни в коем случае не допускалось седлать лошадь без «кевца» — подушки на седле. Без подушки лошадь седлали только тогда, когда жертвовали ее хурулу на помин души ее хозяина [Душан 1976: 65]. Подстерегая в степи одиноких путников, мать семейства словно бы попирала собою в седельной подушке то, что сгубило ее детей, укрепляясь в мстительной ненависти к иноплеменникам.

Таким образом, национальная идентичность «свой» — «чужой» в рассказе А. Серафимовича выражена в конфликте (социальное и человеческое, государственное и персональное), в речи (русская/диалектная, инонациональная), типажах (русский казак и старая калмычка), предметах снаряжения коня (калмыцкая седельная подушка) и одежды (синие штаны старухи).

Литература

- Акимов В. М. Примечания // Серафимович А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1985. С. 616–628.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008. 189 с.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 7–88.
- Егорова Л. П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 31–39.
- Кормилов С. И. Своеобразие русской литературы и проблема ее национальной идентичности // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2007. № 1–2. С. 8–21.
- Серафимович А. Степные люди // Серафимович А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1985. С. 110–127.